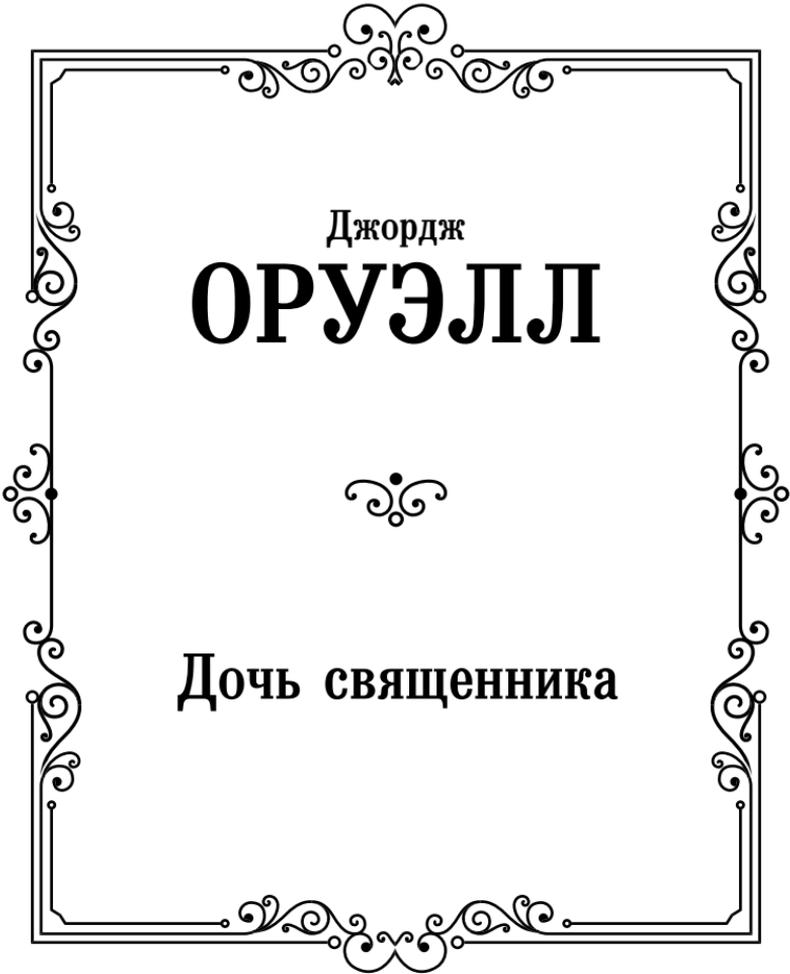

Джордж
ОРУЭЛЛ

Джордж
ОРУЭЛЛ

Дочь священника

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

George Orwell
A CLERGYMAN'S DAUGHTER

Перевод с английского *В. Домитеевой, К. Макиннес*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Оруэлл, Джордж.
О-70 *Дочь священника* : [роман] / Джордж Оруэлл ; [перевод с английского К. Макиннес, В. Домитеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-17-158136-7 (С.: Лучшая мировая классика)

ISBN 978-5-17-158137-4 (С.: Зарубежная классика)

«Дочь священника» — роман, совсем не похожий на саркастичный «Скотный двор» и мрачную антиутопию «1984».

Роман, который познакомит вас с иным Оруэллом — мастером психологического реализма. Героиня романа — дочь священника Дороти, глубоко верующая и ведущая праведный образ жизни, — в результате несчастного случая теряет память и напрочь забывает о своей вере в Бога. Дороти становится мелкой мошенницей и прибивается к банде бродяг. Через какое-то время память возвращается к ней, но не вера...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. В. Домитеева, 2010
© Перевод. К. Макиннес, 2010
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ГЛАВА I

1

Будильник на комодѣ грохнул мерзкой лязгающей бомбой. Вырванная из чащи каких-то безумных кошмаров, Дороти вздрогнула, очнулась, перевернулась навзничь и лежала, уставясь в темноту, не в силах даже шевельнуться.

Будильник продолжал сверлить настырными бабьими визгами, закрученной пружины хватало терзать уши минут пять, не меньше. Все ныло от головы до пят, жалость к себе, коварно нападавшая при ранних утренних побудках, звала зарыться в одеяло, скрыться от ненавистного сверла. Однако Дороти боролась с презренной слабостью и по обыкновению крепила дух собственным — вежливым, но достаточно суровым — увещанием: «Ну-ка, Дороти, не ленитесь, поднимайтесь! *Не давай сна глазам твоим и дремания веждам твоим (Притчи Соломоновы, 6:4)*». Спohватившись, что долгий тарахтящий визг разбудит отца, она вскочила, схватила часы с комода и торопливо отключила звон. Будильник для того и ставился подальше, чтобы необходимость глушить его выдергивала из постели. По-прежнему во мраке, Дороти опустила на колени и прочла «Отче наш», хотя несколько механически — донимали очень уж мерзнувшие ноги.

Было всего лишь полшестого и для августа, пожалуй, холодновато. Дороти (Доротейя Хэйр, единственное чадо его преподобия Чарльза Хэйра, Ректора прихода Святого Афельстайна, Найп-Хилл, графство Суффолк) надела старый байковый халатик и ошупью спустилась с лестницы.

Зябко потянуло предрассветным запахом пыли, отсыревшей штукатурки и жарившихся вчера на ужин окуней; сверху из разных концов коридора доносились нестройные сонные храпы отца и Эллен, их единственной прислуги. Опасливо — стол имел подлую привычку, растягиваясь в темноте, внезапно бить в бедро — Дороти добралась до кухни и зажгла свечку на каминной полке. Ползая перед плитой, преодолевая упадок сил, она прилежно выгребла золу.

Растапливать бывало адски трудно. Колено трубы навечно забилося сажей, и огню, чтоб взбодриться, требовалась чашка керосина, как животворный стаканчик джина пьянице. Поставив греться воду для отцовского бритья, Дороти поднялась вверх и принялась готовить себе ванну. Эллен все еще заливалась здоровым молодецким храпом. В бодрствующем состоянии она была послушной, старательной служанкой, но из породы девушек, которых самому дьяволу с легионом бесов ни за что не поднять раньше семи.

Воду в ванну Дороти набирала очень медленно (шум сильной струи будил отца), затем немного постояла, разглядывая неприятный белесый пруд. По коже бегали мурашки. К холодным ваннам Дороти питала жуткое отвращение, а потому взяла за правило с апреля до ноября все ванны принимать только холодными. Пробуя воду рукой (рука произвольно отдергивалась), она гнала себя вперед обычными

призывами: «Давайте, Дороти! Пожалуйста, не трусьте!» Решительно шагнула через край и села, позволив перехватившей дыхание волне подняться до макушки. Через секунду, извиваясь и дрожа, вынырнула, но не успела отдышаться, как вспомнила про свою памятку, которую намеревалась просмотреть. Мокрой рукой нащупала в кармане висевшего халата записку и, оставаясь по пояс в воде, перегнувшись к мигающей на стуле свечке, стала читать.

В памятке значилось:

7.00 — СП.

Мс. Т. дитя? Срочно визит.

Завтрак: бекон. Срочно просить у папы деньги (Е) что куп.? витамин. тоник для папы!

НВ у Солп. для занавесок

чай из дягиля из Дейли М. для ревматизма мс. П., мозольный пластырь для мс. Л.

12.00 — доспехи для Карла I

НВ сух. клей 0,5 ф., серебр. кр. 1 б.

Обед /зачеркнуто/ Ленч:???

Разнести П. Вестник

НВ долг за мс. Ф. 3 шил. 6 п.

16.30 — Др. Матери чай, на угл. окно 2,5 ярда!

Свеж. цветы для церкви

НВ медн. фольга 1 л.

Ужин: яичница.

Печатать папе проповедь (нов. лента для пиш. маш.?)

НВ в горохе бьюнок! полоть срочно!!

Когда Дороти вытиралась реденьким полотенцем размером с носовой платок (в хозяйстве приходского ректора отсутствовала такая роскошь, как полотенца нормального размера), волосы, от-

коловшись, хлынули на плечи. Поток густых, мягких, редкостно белокурых прядей — пожалуй, к лучшему, что отец настрого запретил всякие стрижки, ведь волосы являлись ее единственной красотой. А в остальном Дороти выглядела девушкой среднего роста, довольно худощавой, но крепкой, стройной. Самым уязвимым во внешности было лицо: блеклое, неприметное, глаза прозрачные, нос чутьточку длиннее, чем положено, уже наметились морщинки возле век, и рот в молчании ложился усталой складкой. Пока только эскиз, набросок старой девы, однако через год-другой рисунок определится. Хотя благодаря глазам, полным почти детской серьезности, Дороти виделась обычно моложе своих лет (ей скоро исполнялось двадцать восемь). И еще кое-что, чего никто не видел: на левом предплечье россыпь багровых пятнышек, будто там всласть попиrowали комары.

Снова натянув сорочку, Дороти вычистила зубы — просто водой, конечно, ибо и пасту не годится класть в рот перед СП, в конце концов либо постишься, либо нет, эти РК* тут совершенно правы, отстаивая принцип... Вдруг она, пошатнувшись, за-

* Разговорные аббревиатуры: СП — святое причастие, РК — римские католики, «паписты». Для понимания коллизий романа необходимо представлять, что официальная англиканская церковь (священником которой является отец Дороти) сочетает догматы католичества с реформаторским учением протестантизма. Но внутри англиканства три направления: Высокая церковь, тяготеющая к торжественной ритуальности; Низкая церковь, близкая суровому пуританизму, и Широкая церковь умеренного толка. Кроме того, отдельно англокатолики, которые настаивают на сугубо католической сути и форме англиканства.

мерла. Отложила зубную щетку. Боль, настоящая физическая боль свела желудок.

С острым спазмом тоски, оповещающей об утреннем визите забытой за ночь неприятности, Дороти вспомнила счет от Каргила, мясника, которому они не платят целых семь месяцев. О, этот счет — в нем девятнадцать (а может, уже и двадцать!) фунтов, и совершенно невозможно расплатиться! Кошмарный счет был главной мукой ее жизни, все дни и ночи хищно караулил в углу сознания, готовый броситься в любой момент. А за ним сразу потянулись другие, мелкие долги, общую сумму которых она не смела даже представить. «Господи, пожалуйста! Пусть хоть сегодня Каргил нам не присылает свой счет!» — невольно взмолилась Дороти, но, тут же осознав, сколь суетна эта мольба, попросила за нее прощения. И стремглав бросилась на кухню в надежде убежать от страшных мыслей.

Плита, как следовало ожидать, погасла. Вновь Дороти, перемазавшись углем, закладывала топку, вновь взбадривала огонь глоточком керосина, а потом беспокойно топталась рядом, переживая, что чайник долго не кипит. Отец требовал, чтоб воду для бритья готовили ровно к четверти седьмого.

Дороти удалось доставить кипяток с опозданием всего в семь минут.

— Входи, входи, — откликнулся на стук глухой брюзгливый голос.

В плотно зашторенной спальне царила духота, пропитанная особым стариковским запахом. Ректор уже зажег свечу и, лежа на боку, следил за стрелками покоившихся под подушкой и только что раскрытых золотых часов. Из-под копны пушистых бе-

лоснежных волос темный глаз раздраженно сверкнул куда-то поверх плеча вошедшей дочери.

— Доброе утро, папа.

— Мне очень бы хотелось, Дороти, — произнес Ректор не совсем внятно (в дикцию до поры, когда он надевал зубной протез, весьма активно вмешивалась шепелявость), — чтобы ты прилагала несколько больше усилий, дабы заставить Эллен подниматься в должный час. Или сама старалась бы проявлять чуть больше пунктуальности.

— Прости, папа. Эта плита все время гаснет, а я...

— Ну хорошо, Дороти, поставь воду на туалетный столик. Поставь ее и раздвинь шторы.

Стало заметно светлее, хотя за окнами темнели пасмурные облака. Дороти торопливо ушла к себе. Сегодня утром ей предстояло собраться просто моментально, что, впрочем, требовалось регулярно шесть раз в неделю. Микроскопическое стенное зеркальце даже не пригодилось. Не глядя, Дороти надела золотой крестик (скромный, гладкий, никаких католических финтифлюшек, нет уж, пожалуйста!), скрутила волосы узлом, наспех воткнула шпильки и молниеносно справилась с одеждой: простая вязаная кофточка, махровая на швах юбка из твида, практичный шерстяной жакет, чулки, не подходящие по тону, изношенные туфли — весь туалет за три минуты. Теперь еще успеть перед причастием «навести красоту» в столовой, убрать отцовский кабинет и самой подготовиться, то есть вдумчиво помолиться по крайней мере минут двадцать.

Небо по-прежнему хандрило, и туфли Дороти, пока она толкала велосипед в калитку, промокли от невысохшей росы. Сквозь туман высившаяся на холме церковь Святого Афельстайна маячила свинцо-

вой пирамидой, с пика которой одинокий колокол в единственном доступном ему регистре траурным басом отвешивал «бу-ум!», «бу-у-ум!». Вообще в их церкви имелось восемь колоколов, но звонил лишь один (другие, снятые с крюков, вот уже три года продавливали пол колокольни). Снизу, из белой равнинной мглы, слышалось звяканье католического колокола — гадкой пустозвонной жестянки, чей звук Ректор прихода Святого Афельстайна удачно сравнивал с комнатным колокольцем, тренькающим о том, что чай готов, булочки подогреты.

Сев на велосипед и пригнувшись к рулю, Дороти заторопилась вверх по холму. Узкую переносицу щипало холодным ветром. Над головой невидимо мчались навстречу слоистые низкие тучи. *Ранней зарей вознесу я хвалу Тебе!* Дороти намеревалась мигом проехать в задние ворота через кладбище, но, заметив черные разводы на руках, слезла, чтобы оттереть сажу растущей меж могил мокрой травой. Тем временем колокол смолк, она вскочила, кинулась со всех ног и успела войти в церковь вместе с Прогеттом, звонарем, топавшим теперь в своей потрепанной рясе и грубых огромных башмаках на пост алтарного причетника.

В храме стоял ледяной холод, пахло свечным воском и вековой пылью. Это был старый большой храм, слишком просторный для его нынешней общины, обветшавший, почти пустынный. Три островка скамей и вполтину не заполняли главный неф, а вокруг просто каменный пол с надписями, отмечавшими плиты старинных склепов. Потолочный свод над престолом заметно прогибался; пара ярких лучей, насквозь пронзивших источенные створки ящика для церковных сборов, безмолвно обличали жучков, вра-

гов и сокрушителей христианского мира. В тусклые окошки сочился бледный худосочный свет. Через открытые южные двери у крыльца топорщился кипарис, тихо покачивались побеленные известкой, сероватые в сумерках ветки.

Как обычно, паства на утреннем причастии была представлена одной мисс Мэйфилл, хозяйкой усадьбы Грейндж. Так мало прихожан заглядывало в церковь по будним дням, что Ректор находил юных служек лишь для воскресного обряда, когда мальчишкам нравилось щегольнуть на публике церковным облачением. Вслед за мисс Мэйфилл Дороти вошла внутрь огороженной площадки для молений и в наказание за некий вчерашний грех отодвинула подушечку, встав коленями на голый камень. Служба началась. Ректор в сутане и полотняном стихаре быстро, привычно возглашал молитвы (сейчас уже вполне отчетливо, поскольку зубной протез прочно сидел на своем месте), но вот само благословение смущало странным тоном. Ректор был крайне холоден, на строгом немолодом лице, бледном, как серебро стертой монеты, застыла отчужденность, точнее даже откровенная неприязнь. «Да, это подлинное таинство, — явственно сообщалось вам выражением лица, — и долг мой совершить публично святой обряд, однако же не забывайтесь, помните, что для вас я только духовное лицо, не друг и не приятель. Сам я симпатий к вам не питаю, смотрю на вас с пренебрежением и презрением».

Прогетт — по должности церковный сторож, звонарь, причетник и могильщик, на вид мужчина лет сорока, с курчавой сединой и смуглой морщинистой физиономией — внимал святым текстам в привычном благоговейном столбняке, не понимая ровно ни-

чего, старательно вертя в красных ручищах миниатюрный причетный колокольчик.

Дороти прижимала веки пальцами, пытаясь сосредоточиться. Тревога о счете мясника не шла из головы, в то время как молитвы, известные до каждой запятой, впустую текли мимо. Стоило ей чуть приоткрыть глаза, они сразу пустились блуждать без всякой цели. Сначала вверх, к стоявшим на карнизе веселым безголовым ангелочкам, чьи шеи хранили зазубрины от пил, которыми казнили идолов солдаты-пуритане, потом обратно, к черневшей на голове мисс Мэйфилл шляпке «свиной пирожок» и трепыхавшимся под ней серьгам. Фигуру мисс Мэйфилл драпировало непременно ее длинное черное пальто с воротничком из сального каракуля. Дороти еще в очень раннем детстве дивилась на это сооружение. Ткань пальто отчасти напоминала шелковый муар, а еще более — древесную кору и вся, по прихоти, рассудку не доступной, змеилась ручейками шнурованного канта; возможно, эта материя и являлась остатком легендарного правешества, «черного бомбазина». Мисс Мэйфилл была стара, стара настолько, что не осталось никого, кто бы помнил время, когда она старухой не была. От нее постоянно исходился слабый эфирный аромат, распознававшийся как запах нафталиновых шариков, одеколona и легкой струйки джина.

Дороти незаметно вытащила из лацкана большую портновскую булавку и под прикрытием спины мисс Мэйфилл вонзила острие себе в предплечье. Плоть дрогнула от боли. Но так и следовало — личный дисциплинарный метод, прием борьбы с кошунственной рассеянностью. Дороти давно придумала за каждую провинность наказывать себя уколom в руку, причем колоть достаточно жестоко, до крови.

С грозной булавкой наготове ей удалось молиться более благочестиво. Ректор тем временем скосил недобрый темный глаз на скрючившуюся мисс Мэйфилл, частенько осенявшую себя крестом (обычай, которого он не терпел). За стенами звонко трещали скворцы. Вдруг Дороти поймала себя на том, что взгляд тщеславно скользит по складкам ректорского стихаря, собственноручно ею сшитого два года тому назад, и, стиснув зубы, воткнула булавку на целую восьмушку дюйма.

И вновь они стояли на коленях. Читалась общая исповедь. Еще раз Дороти перевела глаза — увы, такие грешные! — и посмотрела направо, на витраж, созданный в 1851 году по эскизу члена-корреспондента Королевской академии сэра Уорда Тука и отобразивший момент торжественной официальной встречи Святого Афельстайна с ангельским корпусом Гавриила, а также замечательный тем, что все персоны на приеме в обители блаженных имели поразительное сходство как друг с другом, так и с принцем-консортом Альбертом, супругом королевы Виктории... Пришлось снова до крови вогнуть в руку булавку. Усиленное внимание к смыслу звучащих слов молитвы направило мысли в нужное русло. Хотя булавка опять едва не пошла в ход на середине «Со ангелами, со архангелами», когда Прогетт бодро потрянул свой колокольчик. На этом месте Дороти всегда достигал чудовищный соблазн захохотать. Ей сразу вспоминался случай, рассказанный отцом: маленьким мальчиком отец прислуживал у алтаря, однажды язычок в его причетном колокольчике отвинтился, звон заглох и священник под благостные распевы «Со ангелами, со архангелами, со всеми силами небесными славу Тебе по-

ем! Тебя, Господи, славим!» шипел: «Да навинти же его, дурень, дубина бестолковая! Навинти, навинти его!»

По окончании процедуры освящения коленопреклоненная мисс Мэйфилл начала с необыкновенной медленностью, по частям, подниматься — похоже было, что туго распрямляется фанерный клоун на шарнирах. Подъем очередного сочленения сопровождался очередным дуновением нафталина и сильным скрипом, который производили отнюдь не косточки корсета, а собственные кости мисс Мэйфилл (услужливое воображение тут же подсовывало картину ожившего скелета под скорбной мантией).

Дороти все еще молилась, когда мисс Мэйфилл, покачиваясь и подергиваясь, заковыляла к престолу. Она едва могла ходить, но страшно обижалась, если ей предлагали помощь. В набор *эффектных* странностей мисс Мэйфилл входило и совершенно высохшее лицо, украшенное, однако, алчной пещерой огромного влажного рта. Нижняя губа, не держащая по старости слюну, отвисла, обнажив десну и ряд напминавших клавиатуру старой пианолы желтых искусственных зубов, а над верхней губой щетинились густые росистые усы — короче, рот не из самых аппетитных, не те уста, с которыми вас манит выпить из одного бокала. И неожиданно, как будто сам нечистый ей суфлировал, Дороти зашептала: «Господи! Сделай так, чтобы мне не пришлось пригубить чашу святую после мисс Мэйфилл...» В ту же секунду она похолодела — лучше уж было откусить себе язык, чем высказать столь богохульное желание, да еще прямо перед Святым Причастием! Она так крепко всадила в руку булавку, что еле подавила крик. Затем смиренно приблизилась к алтарным ступеням и опустилась